

ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

П. П. Ершов

КОНЁК-ГОРБУНОК

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Пётр Павлович Ершов Конек-горбунок

Серия «Внеклассное чтение (Росмэн)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21182280

Конек-горбунок : сказка в трех частях / П. П. Ершов: РОСМЭН;

Москва; 2016

ISBN 978-5-353-07252-2

Аннотация

«Конек-горбунок» — одна из самых известных русских литературных сказок. Она написана таким живым народным языком, что зачастую даже не воспринимается как авторская. Создана она больше 150 лет назад, но не теряет актуальности и по-прежнему остается любимой сказкой миллионов детей.

Содержание

Сказка «Конёк-горбунок» и её автор	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пётр Ершов
Конёк-горбунок
Сказка в трех частях

Сказка «Конёк-горбунок» и её автор

Пётр Павлович Ершов (1815–1869) – автор весёлой сказки о волшебном Коньке-горбунке, о добром крестьянском сыне Иванушке и о глупом царе – родился в Сибири, в Тобольской губернии. Отец его служил мелким чиновником, и семья не раз переезжала из города в город. Девятилетнего Петра отправили учиться в Тобольскую гимназию, и поселился он у родственников, в большом купеческом доме. Вечерами на кухне собирались крестьяне и рассказывали сказки об Иване-царевиче и Жар-птице, о Сивке-Бурке, о Свинке – золотой щетинке, многие из которых маленький Пётр услышал и запомнил.

Отучившись в гимназии, Ершов поступил в Петербургский университет. Как раз в это время, в 1830-е годы, у многих знаменитых писателей появился интерес к русскому фольклору. Вышли в свет замечательные сказки В. А. Жуковского, В. И. Даля и А. С. Пушкина. Отголоски этих сказок встречаются и в «Коньке-горбунке», но в его основе, конечно, лежат народные сказки, с детства любимые Ершовым.

«Конёк-горбунок» напечатан в 1834 году (Ершову было всего 19 лет): сначала в журнале «Библиотека для чтения» в виде небольшого отрывка, а чуть позже отдельным издани-

ем.

Сказка очень понравилась Пушкину. «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить», – сказал поэт, прочитав «Конька-горбунка» ещё в рукописи. Произведение быстро принесло Ершову известность, однако вскоре печатать его запретили на долгие тринадцать лет. И всё-таки ещё при жизни автора сказка издавалась семь раз. Готовя каждое новое издание, Ершов много работал над текстом, порой заменяя целые строки.

Окончив университет, Ершов вернулся из Петербурга на родину, в Тобольск, где прожил до конца жизни. Много лет он был учителем, библиотекарем, а позже – директором Тобольской гимназии.

П. П. Ершов написал не только «Конька-горбунка». Он создал немало стихотворений, рассказов и даже писал пьесы. Однако сегодня они совершенно забыты, а волшебный конёк вот уже больше ста пятидесяти лет скачет по нашей стране. Весёлую и добрую сказку, будто от начала до конца записанную со слов народного рассказчика, по-прежнему с удовольствием слушают и читают и взрослые, и дети.

П. Лементи-Македон

Часть первая

Начинается сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.

Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник¹.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,

---

¹ Сенник (разг.) — сеновал.

Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».

Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».
Стало сызнова смеркаться,
Средний брат пошёл собирать;
Взял и вилы и топор

И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз, —
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять²,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков³,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай⁴ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;

---

² Пенять – укорять, упрекать.

³ Лубки́, лубо́к (устар.) – здесь: яркие картинки, в старину популярные в народе.

⁴ Малаха́й (устар.) – здесь: длинная широкая верхняя одежда без пояса.

Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.

Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,

К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгну́л к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью⁵ бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся крúгом над полями,
Виснет пластью⁶ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, – ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.

---

⁵ Очью (нар. – поэт.) – очами, глазами.

⁶ Пластью (нар. – поэт.) – пластом, вытянувшись.

По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка⁷,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными⁸ ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку⁹.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван

---

⁷ Вершóк (устар.) – старинная русская мера длины, ок. 4,5 см; три вершка – ок. 13 см.

⁸ Аршинный (устар.) – от «аршин» – старинная русская мера длины, ок. 71 см.

⁹ Бабка – косточка из ноги копытного животного; использовались в старинной народной игре; здесь: отсылка к «Сказке о Никите Вдовиниче» О. М. Сомова (1793–1833), в которой говорится о волшебной чёрной бабке, исполняющей желания владельца.

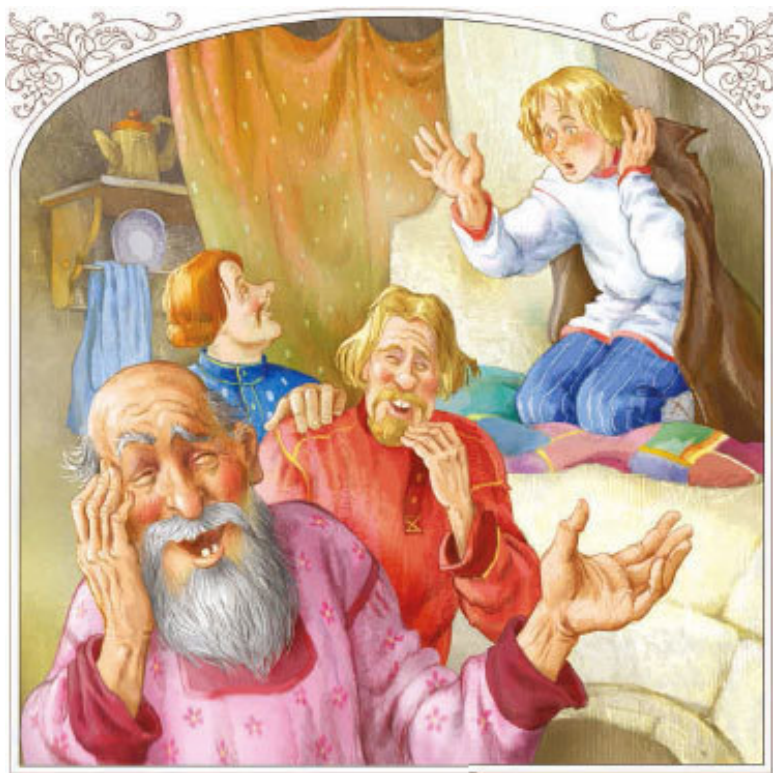
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,

Звёзды на́ небе считал;
Месяц, ровно, тоже свётил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожá словно как у кошки,
А глаза-то — что те плошки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жо́мах¹⁰.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».

---

¹⁰ Жо́мы — тиски.

Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.

Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно¹¹ пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит

---

¹¹ Зельно (устар.) – сильно

И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал, —
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,

Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу¹²
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чуждую зверушку.

---

¹² Седмица (устар.) – неделя.

Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чюдную зверушку.

Время катит чередом,

Час за часом, день за днём.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы¹³ в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискóчкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.

---

¹³ Немцы – так в старину называли всех иностранцев.

Как завоюет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету́
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, – сказал, —
Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли¹⁴:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».

---

¹⁴ Не клепли́ (прост.) – не обвиняй напрасно, не клевети.

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби¹⁵ берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, востепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша,
Что переться¹⁶ – дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот¹⁷.

---

¹⁵ За́гребь (устар.) – горсть.

¹⁶ Переться (устар.) – спорить, отпираться.

¹⁷ Некоры́стный наш живот (устар.) – т. е. бедную нашу жизнь.

Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли́ неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намерднишнюю ночь¹⁸ —
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком¹⁹
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик немóжет²⁰,
Работáть уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

---

¹⁸ Наме́днишнюю ночь (прост.) — от «наме́дни» — недавно, на днях.

¹⁹ Позвонок (нар. — разг.) — бубенец.

²⁰ Немóжет (прост.) — от «немóчь» — болеть.

Стало на́ небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным²¹ лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

---

²¹ Естное (прост.) – съестное.

Вот Данило вдруг заметил,
Что огонь вдали засвѣтил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул,
Наконец вот так решили,
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,

«Эх, как тёмно! – он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево²² развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь²³ знает, что горит!
Коль станичники²⁴ пристали —
Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...

---

²² Кúрево (прост.) – здесь: костер.

²³ Кто-петь (прост.) – кто же.

²⁴ Станічники – здесь: разбойники.

Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится,
Диву дался тут Иван.
«Что, — сказал он, — за шайтан²⁵!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою». —
«Говори ты! Как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,

---

²⁵ Шайтан – чёрт, бес.

Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час,
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,

Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий²⁶ —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости!²⁷ Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому²⁸,
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,

---

²⁶ Городничий (устар.) – начальник города в старину.

²⁷ Гость – старинное название купца, торговца.

²⁸ Содом (разг., шутол.) – шум, беспорядок.

К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит – давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,

В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, — молвил, — божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает. —
Не вели меня казнить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.